Реальный текст ЕГЭ по русскому языку 2019. Каверин «Про раненного в ногу»

Я лежал у окна спиной к движенью. Уходящая местность открывалась передо мной, и поэтому я увидел эти три танка, когда мы уже прошли мимо них. Ничего особенного, средние танки! Открыв люки, танкисты смотрели на нас. Они были без шлемов, и мы приняли их за своих. Потом люки закрылись, и это была последняя минута, когда еще невозможно было предположить, что по санитарному эшелону, в котором находилось, вероятно, не меньше тысячи раненых, другие, здоровые люди могут стрелять из пушек.
Но именно это и произошло.
С железным скрежетом сдвинулись вагоны, меня подбросило, и я невольно застонал, навалившись на раненую ногу. Какой-то парень, гремя костылями, с ревом бросился вдоль вагона, его двинули, и он ткнулся в угол рядом со мной.
Никогда не забуду чувства, с необычайной силой охватившего меня, когда, преодолевая мучительную боль, я спустился с лесенки и лег под вагон. Это было презрение и даже ненависть к себе, которые я испытал, может быть, впервые в жизни.
Кое-как перебравшись через болото, мы залегли в маленькой осиновой роще. Мы — то есть девушки, я, Ромашов и два бойца, присоединившиеся к нам
по дороге. Они были легко ранены, один в правую, другой в левую руку. Я послал этих двух бойцов в разведку, и, вернувшись, они доложили,
что на разных направлениях стоит до сорока машин, причем откуда-то взялись
уже и походные кухни. Очевидно, танки, обстрелявшие наш эшелон, принадлежали к большому десанту.
— Уйти, конечно, можно. Но, поскольку капитан не может самостоятельно двигаться, лучше воспользоваться дрезиной.
Дрезину они нашли под насыпью у разъезда. Уходя, та, которую звали Катей, сунула мне под голову свой заплечный
мешок. Очевидно, в мешке были сухари — что-то хрустнуло, когда я кулаком подбил мешок повыше. Ромашов стал ныть, что он умирает от голода, но я прикрикнул на него, и он замолчал.
— Они не вернутся, — через минуту нервно сказал он. — Они бросили нас.Вообще говоря, плохо было дело! Уже первые сумерки, крадучись, стали

пробираться в рощу, а девушки не возвращались. Разумеется, я и мысли не допускал, что они могли уехать на дрезине без нас, как это подло предполагал Ромашов. Пока лучше было не думать, что они не вернутся.
Лежа на спине, я смотрел в небо, которое все темнело и уходило от меня среди трепещущих жидких осин. Я открыл глаза. Освещенный первыми лучами солнца, туман лениво бродил между деревьями. У меня было мокрое лицо, мокрые руки. Ромашов сидел поодаль в прежней сонно-равнодушной позе. Все, кажется, было, как прежде, но все было уже совершенно другим.
Он не смотрел на меня. Потом посмотрел — искоса, очень быстро, и я сразу понял, почему мне так неудобно лежать. Он вытащил из-под моей головы мешок с сухарями. Кроме того, он вытащил флягу с водкой и пистолет.
Кровь бросилась мне в лицо. Он вытащил пистолет!
— Сейчас же верни оружие, болван! — сказал я спокойно.
Он промолчал.
— Ну!
— Ты все равно умрешь, — сказал он торопливо. — Тебе не нужно оружия.
— Умру я или нет, это уж мое дело. Но ты мне верни пистолет, если не хочешь попасть под полевой суд. Понятно?
Он стал коротко, быстро дышать.
— Какой там полевой суд! Мы одни, и никто ничего не узнает. В сущности, тебя уже давно нет. О том, что ты еще жив, ничего неизвестно.
Оставить меня одного, голодного и безоружного, тяжело раненного, в лесу, в двух шагах от расположения немецкого десанта. Он ушёл, что было вполне равносильно, а может быть, даже хуже убийства